

по исторической стилистике, итоги которых может использовать как литературовед, так и лингвист, предпринимая работу по исторической грамматике.

Профессор Д. Эллис Эванс, авторитет в области кельтской, и в частности древней континентальной, ономастики, прочитал доклад «Континентальные кельтские языки и лингвистическая реконструкция» (с. 19—54), представляющий собой обзор новейших исследований и находок памятников древних кельтских языков на континенте Европы, а также в Малой Азии (Галатия). После исторического экскурса о постоянном накоплении материалов и их изучении со второй половины XIX в. вплоть до конца 60-х годов XX в. (работы А. Хольдера, Ж. Доттена, Л. Вейсгербера, А. Товара, М. Лежёна, Дж. Уотмоу, Ю. Унтерманна и др.) Эванс переходит к тому качественному скачку, который произошел в начале 70-х годов в связи с серией находок крупных текстов в Испании (кельтиберские), Франции (галльские) и Северной Италии (галльские и лепонтийские). Уже появилось много работ, посвященных этим важнейшим текстам (М. Лежён, А. Товар, К. Х. Шмидт, Л. Флёрю и др.). Однако, как это, впрочем, и закономерно, наряду с разрешением некоторых старых проблем, решение которых тормозило отсутствие материала, новые факты заставили заняться интенсивной разработкой новых вопросов.

Во-первых, стало совершенно очевидным, что кельтские племена уже за несколько веков до нашей эры говорили на многочисленных, сильно разошедшихся между собой диалектах (или языках), и всякий раз, используя их материал, требуется четко дифференцировать его как в хронологическом, так и в географическом отношении. Большинство же континентальных диалектов остается (и, видимо, останется) неизвестным. Во-вторых, новые находки еще раз напомнили лингвистам, что языковая реальность и лингвистическая реконструкция не тождественны друг другу. С одной стороны, конечно, трудности вполне объективны. Например, кельтиберские тексты записаны иберийским полуслоговым письмом, не отражающим противопоставления звонких и глухих смычных; равным образом невозможно адекватно передать в графике многие сочетания согласных и конечные смычные; самые длинные галльские тексты записаны без словоделения. Но выясняется, что с точки зрения морфологии и лексики даже детальные исследования островных кельтских языков не давали возможности предсказать как наличие многих лексем в континентальных языках, так и таких морфем как, например, флексия род. пад. ед.ч. на *-o*, мн.ч. на *-ōm* в кельтиберском, галльский претерит на *-itu*, флексия 3 л. мн.ч. *-us* и *-tus* в галльском и кельтиберском и многое другое.

Совершенно недостаточно изучена также диахроническая семантика; так, если все исследователи согласны в этимологическом отождествлении большинства слов в галльской надписи из Шамальера, то предложенные ими интерпретации радикально различаются между собой. Например, слово *sambion*, этимологически совершенно прозрачное, переводят как «изменение», «кривизна», «искалеченный», «согнутый» и т. д. Некоторые интерпретации, к которым склоняется Д. Эллис Эванс, например кельтибер. *šueš* «шесть», по нашему мнению, не вполне обоснованы. С другой стороны, трактовка К. Х. Шмидтом кельтибер. *iom* (стр. 5 в надписи из Боториты) как союза, соответствующего др.-ирл. *a n-* «когда», гораздо более предпочтительна, чем толкование Л. Флёрю. Но компаративистика, несомненно, вновь проявила свою способность к прогнозированию, когда в тех же текстах были обнаружены формы, теоретически ею постулировавшиеся: инструменталь и локатив в именном склонении, относительное местоимение *iō-* с полной парадигмой в кельтиберском; *immi* «я есмь» из **esmi* в галльском, а также многие конкретные лексемы и имена собственные.